

Там уже вовсю царил беспорядок, когда со стороны переулка донесся частый стук копыт, сопровождаемый криками, которые приближались.

Оказалось, что это стражники Столичной управы спешно прибыли во главе с самим градоначальником.

Спрыгнув с коня и бросив взгляд на картину во дворе, чиновник смертельно побледнел.

Этот столичный градоначальник был человеком изворотливым и прекрасно знал подноготную всех знатных семей и влиятельных лиц в столице.

Увидев Чэн Сужоу, он украдкой покосился на сошедшую с ума Княжну Аньнин, которая бесчувственно валялась на земле, а затем быстро бросил взгляд на грозных телохранителей, стоявших за спиной Чэн Сужоу.

Потирая руки, он со вздохом произнес:

— Пусть даже княжна и виновна, решать все равно должен Его Величество. А с вашими крутыми мерами, госпожа Сяо, вы рискуете дать повод для сплетен.

Чэн Сужоу не приняла слова градоначальника всерьез. Она холодно взмахнула рукой, подзывая нескольких безжалостных слуг, и приказала оттащить Княжну Аньнин, ее верную пожилую служанку и горничную в боковой двор для допроса.

Не прошло и половины палочки благовоний, как из бокового двора донеслись пронзительные крики и мольбы о пощаде.

Телохранитель быстрым шагом вернулся назад, склонился перед Чэн Сужоу и доложил:

— Госпожа, допросили. Главный зачинщик — старый даос Сюаньцин из даосского храма Саньцин на южной окраине города. Этот старик взял с княжны огромные деньги и наложил Искусство проклятий и подавления, желая лишить вас жизни.

Брови Чэн Сужоу взлетели вверх, а в глазах засиял еще более лютый холод:

— Свяжите эту безумную женщину вместе с ее прихвостнями по рукам и ногам, а рты заткните как следует, чтобы не визжали.

Слуги принесли толстые пеньковые веревки, надежно скрутили потерявшую человеческий облик Княжну Аньнин и всю ее челядь, а в рот им затолкали тряпки.

Только после этого Чэн Сужоу повернулась к стоявшему неподалеку ошеломленному градоначальнику, бросила ему сверток бумаги и холодно произнесла:

— Госпожа градоначальник, здесь собраны неопровержимые доказательства ее покушения на мою жизнь. Надеюсь, вы поступите по справедливости и не станете покрывать преступников, попирая законы государства.

С этими словами она больше не удостоила градоначальника взглядом, вскочила на коня, и две сотни телохранителей дружно последовал за ней. Копыта коней раскололи лунный свет, заливавший весь переулок, и процессия с шумом умчалась прочь.

Во дворе остался лишь полный разгром да остолбеневший градоначальник, который смотрел на сверток с уликами, то бледнея, то зеленея лицом.

Один из стражников, видя, что свита Чэн Сужоу уже далеко, приблизился к градоначальнику и возмущенно сказал:

— Ваша светлость, эта госпожа Сяо ведет себя чересчур заносчиво, так бесчинствуя в самом сердце столицы! Завтра же подыщите кого-нибудь из знакомых цензоров, подайте мемориал и приструните ее, пусть знает свое место.

Услышав это, градоначальник помрачнел и рявкнул:

— Да что ты понимаешь!

Взглянув на пыль, поднимающуюся у выезда из переулочка, он долго молчал, а затем вздохнул:

— Ты думаешь, у нее сейчас крутой нрав? Несколько лет назад ее характер был в десятеро свирепее. В те времена она ходила в походы вместе с герцогом Чэном, прямо перед сражениями рубила головы вражеским генералам и всегда держала слово — даже удельные князья при встрече уступали ей три фута. То, как она ведет себя сегодня — это еще цветочки, она сильно умерила свой пыл.

Градоначальник нетерпеливо махнул рукой и приказал стражникам погрузить Княжну Аньнин и ее людей, связанных словно новогодние цзунцзы, и конвоировать их в управу дожидаться суда.

Стоя посреди учиненного разгрома, он чувствовал, как в голове гудит, а виски нещадно раскалываются.

Дело было в том, что дед этой Княжны Аньнин когда-то делил с императором тяготы войны. Сама она происходила из отдаленной боковой ветви императорского рода, и в прошлые годы в столице ее имя даже не упоминалось. Но почему-то в этом году император внезапно вспомнил

о бывшей дружбе: не только пожаловал несметные богатства в виде золота, серебра и шелков, но и в виде исключения даровал ее единственной внучке титул княжны.

Столь небывалая милость тут же вскружила голову всему семейству. Аньнин от природы была хороша собой, а получив титул, и вовсе задрала нос. Разведясь с мужем, она собрала вещи, приехала в столицу, купила здесь особняк и страстно желала прибиться к столичной знати, чтобы обеспечить себе еще более блестящее будущее.

Но столичные прелести слепят глаза, а у этой княженки из глуши ума и кругозора оказалось совсем чуть-чуть — додумалась же связаться с Чэн Сужоу, дамой жесткой и неуступчивой, поистине сама накликала на себя смерть.

Ночь клонилась к часу хай, когда Чэн Сужоу под сиянием мягкой луны вернулась в Помесье Сяо.

В спальне Обители Любования Облаками сквозь бумагу на окнах струился теплый желтоватый свет: Сяо Чжияуань, судя по всему, еще не ложился и, расположившись у окна, неторопливо перелистывал старую книгу.

На столике как раз заваривался чай пополам с дождевой водой, и тонкая струйка дымка вместе с изысканным ароматом курильницы, стоявшей за пологом кровати, наполняла всю комнату.

Услышав шаги в галерее, он поднял взгляд, и следы усталости мгновенно исчезли с его лица. Сяо Чжияуань поднялся, вышел навстречу к дверям, и на его губах заиграла улыбка:

— Вернулась так поздно, заставила же ты мужа ждать!

Чэн Сужоу бросила на него равнодушный взгляд и устало протянула:

— Кто просил тебя ждать? Хочешь — жди, хочешь — нет.

Сяо Чжияуань мастерски умел улавливать настроение собеседника: заметив тучу на челе жены и явное отсутствие у нее веселого расположения духа, он решил не шутить.

Он проводил Чэн Сужоу к кушетке и сам принялся разминать ей плечи. Пока он массировал ей плечи, он то и дело поглядывал на водные часы: медные капельницы показывали, что приближается час цзы.

Сяо Чжияуань мягко уговаривал:

— Дорогая, ночь уже глубокая, отложи все прочие дела, давай сначала отдохнем.

Чэн Сужоу поначалу испытывала раздражение, но от таких ласковых и заботливых уговоров злиться расхотелось. Она лишь положила на столик принесенную в рукаве шкатулку из черного дерева, обитую парчой.

Шкатулка приятно холодила ладонь, ее крышку украшал сложный узор из облаков, сквозь который слабо струилось сияние.

Глядя на темную ночную мглу за окном, Чэн Сужоу подумала, что уже за полночь и Ши Яо, должно быть, давно легла спать.

А странное происшествие с тем, как ей сегодня с таким трудом удалось отбить эту вещь у старого даоса, придется отложить до утра, чтобы спокойно ей обо всем рассказать.

В три часа ночи, когда весенняя луна светила блекло, тонкий серебряный луч косо пробился сквозь окно, упал на полог кровати в комнате Ши Яо и окутал ее слоями мягкого сияния.

Вдруг вспыхнул призрачный свет, тени в комнате мгновенно сгустились, и из темноты шагу за шагом появилась высокая стройная фигура, приближаясь к постели.

Он замер у изголовья: статная фигура, широкие плечи, узкая талия, аура глубокая и тяжелая. Его взгляд упал на лицо Ши Яо, и он стал молча разглядывать ее.

Трудно сказать, сколько прошло времени, но человек этот медленно наклонился, подбираясь к Ши Яо все ближе.

Ши Яо под пологом внезапно открыла глаза, ухватила незнакомца за воротник и резким рывком потянула на себя, повалив прямо на кровать.

Они оказались лицом к лицу, их дыхание смешалось, а косой свет весенней луны как раз осветил переплетшиеся силуэты.

В глазах Ши Яо мелькнула острая искра, а следом вырвалось удивленное восклицание:

— Уван, почему ты здесь?

Уван слегка замер, его длинные руки по привычке уперлись в край ложа, помогая удержать равновесие. Его темно-зеленые одежды казались от лунного света холодными, а в глубине его глаз пронеслись тяжелые волны.

Ши Яо нахмурилась:

— Говорят, ты еще пятьсот лет назад стал Владыкой Демонов. Какого черта ты забыл в этом Море Людей, а не сидишь в Море Демонов?

Говоря это, она протянула пальцы к его груди. Едва коснувшись, она вздрогнула и тут же встревоженно и настойчиво спросила:

— Почему твоя духовная сила истощена до такой степени? Что вообще случилось?

Выражение лица Увана едва заметно застыло. Снедаемый смутным чувством, он оттолкнул руку Ши Яо, а затем выпрямился во весь рост у изголовья. Серебряный свет пал ему на плечи, придавая его фигуре налет одиночества.

Немного помедлив, он глухо произнес:

— Потерпел поражение в битве, кое-кто применил подлый прием, и я лишился всей своей базы культивации, случайно упав сюда. Когда я восстановлю силы, то непременно вернусь и поквитаюсь.

С этими словами он опустил взгляд на полулежащую на постели Ши Яо, и в его голосе прозвучало привычное презрение:

— А ты сейчас выглядишь просто отвратительно.

Полог легко колыхнулся от ночного ветерка, а лунный свет то вспыхивал, то гас на их лицах.

Услышав это, Ши Яо сначала опешила, но удивление в ее глазах рассеялось, уступив место сложной гамме чувств.

Она поджала губы и промолвила:

— Восемь сотен лет не виделись, а твой язык стал еще ядовитее. И впрямь привык быть Владыкой Демонов — ни капли такта.

<http://bllate.org/book/19421/1901970>